

ЛИРИКА ВЕРОНИКИ ТУШНОВОЙ

София Пазина

*Я пенять на судьбу не вправе,
Годы милостивы ко мне...
Если молодость есть вторая
Лучше первой она вдвойне.
Откровеннее и мудрее,
Проницательней и щедрей.
Я горжусь и люблюсь ею –
Этой молодостью моей.
Та подарком была, не боле,
Та у всех молодых была.
Эту я по собственной воле,
Силой собственной добыла.
Я в её неизменность верю
Оттого, что моя она,
Оттого, что душой своею
Оплатила её сполна!*

Эти строки Вероники Тушновой живут в памяти людей моего поколения, любящих поэзию, долгие-долгие годы.

Угадывать, дорисовывать, предчувствовать, предвосхищать... Что же это получается? Неоконченный портрет, неразгаданная жизнь, несложившаяся судьба. А может – сложившаяся, наперекор всему? Ведь судьбы поэтов складывает Б-г и сияние звёздных карт в ночном небе. Всё это неподвластно человеческим представлениям о счастье.

«Поэзия – не ряд зарифмованных строк, а живое сердце человека, в котором эти строки родились...», – так определяла Вероника Тушнова суть поэтического творчества. Отсюда – светлая и чистая интонация её лирики и глубокое понимание эмоциональной Вселенной человека. Вот почему спустя десятилетия её стихи отзываются в сердцах читателей светлой грустью, надеждой и верой в счастье.

«Не знаю, была ли она счастлива в жизни хоть час», – сказала, вспоминая о Тушновой, её близкая подруга Надежда Ивановна Катаева-Лыткина. Но далее она же пишет: «О Веронике надо писать с позиции её сияющего света любви ко всему. Она из всего делала счастье...». Казалось бы, взаимно исключаящие противоречивые высказывания. Но в этом – вся Вероника Тушнова, которую Б-г наградила удивительным талантом – беспредельно любить жизнь во всех её проявлениях и уметь радоваться «малой малости».

Вероника Михайловна Тушнова родилась 14 (27) марта 1915 года в Казани в семье профессора медицины Казанского университета Михаила Тушнова и его жены Александры, урождённой Постниковой, выпускницы Высших Женских Бестужевских курсов в Москве. До революции семья жила вполне благополучно, а затем мир рухнул. Первые детские воспоминания Вероники – мама укрывается с ней в подвале от обстрела, а вокруг всё грохочет и горит. Гражданская война, тиф, кругом разруха и смерть, холод – «на улице куда теплей, чем дома, голод – «о корке хлеба – первая мечта». А далее весьма скромная жизнь на одну папину зарплату, что

*«нашего счастья отнюдь не губило.
Я помню все мамыны новые платья,*

*И я понимаю, как мало их было.
Я помню в рассохшемся старом буфете
Набор разношерстных тарелок и чашек.
Мне дороги вещи почтенные эти,
И жизнь, не терпящая барских замашек.*

В этой семье были совсем другие приоритеты, и не удивительно, что Вероника с детства увлеклась живописью и поэзией. У неё с малых лет сформировалось язычески восторженное отношение к природе. Она любила бегать босиком по росе, лежать в траве на косогоре, усыпанном ромашками, следить за спешащими куда-то облаками и ловить в ладони лучики солнца. Деревья – её «бессловесные братья», она слышит, «как бьётся их сердце простое, как соки пульсируют в почках тугих». А цветы смотрят на неё «дружелюбно и кротко» и говорят с ней «голубыми, чуть слышными голосками». Они так красивы и нежны, потому что «цветы – это стихи земли». Это её стихия.

*Люблю я всё, что плещется, струится,
Рождается, меняется, растёт,
И старится, и смерти не боится...
Не выношу безжизненных красот!*

Она не любит зиму, зима у неё ассоциируется со смертью. Она не боится смерти, а именно не любит её, потому что смерть уничтожает всё живое, всё, что она так любит.

Всё, что удается ей увидеть интересного или красивого, она описывает в стихах или рисует. Учителя и близкие отмечают, что девочка, безусловно, талантлива.

Вероника, черноглазая задумчивая девочка, писавшая стихи с детства, но прятая их от отца, окончила школу с углублённым изучением иностранных языков. После этого, по настоянию отца, видевшего в ней будущего врача, поступила не в Ленинградский медицинский институт, как отмечали ошибочно некоторые из её биографов, а в Казанский университет на медицинский факультет. В своей автобиографии Вероника Тушнова писала: «В 1936 году переехала в Ленинград, получила диплом врача, по специальности не работала...» Её всерьёз увлекли занятия живописью и поэзией. В это же время она вышла замуж за врача - психиатра Юрия Розинского. В начале лета 1941 года Тушнова по совету Веры Инбер поступает в Московский Литературный институт им. Горького. Но учиться не пришлось. Началась война. В семье остались больная мать и маленькая дочь Наташа. И семья эвакуировалась в Казань. Позднее она работала в московском госпитале, где и познакомилась с Надеждой Ивановной, которая была начинающим хирургом. Вероника была палатным ординатором, в это время она занималась гистологией, писала диссертацию.

Используя свои медицинские познания, Тушнова почти все годы войны работала в госпитале врачом – их ведь катастрофически не хватало. Вероника Михайловна была необычным лечащим врачом, она остро чувствовала чужую боль, мучительно переживала человеческие страдания, боролась за каждую минуту человеческой жизни.

*Он жить не будет. Так сказал хирург.
Но нам нельзя не верить в чудеса.
И я отогреваю пальцы рук...
Минута... десять... двадцать... полчаса...*

Надежда Ивановна вспоминает: «Вероника была потрясающе красива! Все мгновенно влюблялись в неё. В госпитале слыла главной утешительницей. Могла вдохнуть жизнь даже в безнадежных больных...». Вероника просто жила человеческой судьбой.

*Я за годы войны побывала во всех городах,
Потому что вот тот из Тбилиси, а тот из Орла,
Потому что у этого мать в Бухаре умерла.
Кто-то пишет в Москву, у кого-то в Армении дочь.
И чужую тоску я баюкаю каждую ночь.*

Она выхаживала раненых, но во время ночных дежурств она умудрялась при свете затемнённых ламп всё время писать. Её так и называли: «доктор с тетрадкой».

*Зачем я нынче вспомнила про это?
Здесь только вспышки гаснущей свечи,
И тёмный дом, трясущийся от ветра,
И вьюшек стук в нетопленной печи.*

.....
*Но я всё та же, та же, что бывало...
Пройдёт зима, и кончится война.
И, если бы я этого не знала,
Давно бы ночь свела меня с ума.*

В 1945 году вышла из печати её книга, которую она так и назвала: «Первая книга». Вероятно, в год победы и всеобщего ликования надо было писать что-то парадное, фанфарное... Тушнова не умела этого делать никогда. Ей сразу и всегда была присуща своя нота чистой пронзительной грусти, элегичности, то, что некоторые члены Союза писателей называли «пресловутой камерностью, перепевами надуманных переживаний в духе салонных стихов Ахматовой». Вот такое было отношение к поэзии: отношение отрицания, презрения.

Вся дальнейшая жизнь Вероники Тушновой была связана с поэзией – она в её стихах, в её книгах, ибо её стихи предельно искренние, исповедальные, порой напоминают дневниковые записи. Из них мы узнаём, что муж оставил её, но подрастала зеленоглазая, похожая на отца, дочь, и Вероника надеялась, что он вернётся. «*Ты придешь, конечно, ты придешь в этот дом, где наш ребенок вырос*».

Основная тема стихов Вероники Тушновой – любовь, со всеми её горестями и радостями, утратами и надеждами, разделённая и безответная... какая бы она ни была, без неё жизнь не имеет смысла, и потому родилось это стихотворение.

*Не отрекаются, любя.
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,
А ты придёшь совсем внезапно.
А ты придёшь, когда темно,
Когда в стекло ударит вьюга,
Когда припомнишь, как давно
Не согревали мы друг друга.*

*И так захочешь теплоты,
Не полюбившейся когда-то,
Что переждать не сможешь ты
Трёх человек у автомата.
А в доме будет грусть и тишь,
Хрип счётчика и шорох книжки,
Когда ты в двери постучишь,
Взбежав наверх без передышки.
За это можно всё отдать,
И до того я в это верю,
Что трудно мне тебя не ждать,
Весь день не отходя от двери.*

И он, действительно, пришёл. Но всё произошло совсем не так, как она себе это долгие годы представляла, мечтая о его возвращении. Пришёл, когда заболел, когда ему стало совсем плохо. И она не отреклась... Она выхаживала его и его больную мать. «Здесь меня все осуждают, но я не могу иначе... Всё же он – отец моей дочери», – сказала она как-то Е. Ольшанской.

Она часто вспоминала детские годы, жизнь в Казани, на Волге. Волга, пароходы – всё это осталось в её сердце, в её памяти.

КАПИТАНЫ

*Не ведётся в доме разговоров
Про давно минувшие дела,
Жёлтый снимок – пароход «Суворов –
Выцветает в ящичке стола.
Попытаюсь всё-таки взглядеться
Пристальней в туман минувших лет,
Увидать далёкий город детства,
Где родились мой отец и дед.*

.....
*Бегут домишки по пятам,
И, бакен огибая круто,
Отцовский домик капитан
Как будто видит на минуту.
Но со штурвала своего
Потом уже не сводит взгляда,
И на ресницах у него
Тяжёлый пепел Сталинграда.*

А вот совсем другие строки:

*И знаю всё, и ничего не знаю...
И не пойму, чего же хочешь ты,
С чужого сердца с болью отдирая
Налёгших лет тяжёлые пласты.
Трещат и рвутся спутанные корни.*

*И вот, не двигаясь и не дыша,
Лежит в ладонях, голубя покорней,
Тобою обнажённая душа.
Тебе дозволена любая прихоть.
Но быть душе забавою не след.
И раз ты взял её, так посмотри хоть
В её глаза, в её тепло и свет.*

Неудивительно, что вторая книга Вероники Михайловны «Пути-дороги» увидела свет только через 10 лет, в 1954 году. Она просто не решалась выпустить эту книгу. В основу её легли стихотворения, написанные часто в дороге и навеянные дорожными встречами и впечатлениями, знакомствами с новыми людьми и новыми местами. «Азербайджанская весна» – так называется один из поэтических циклов Вероники Тушновой. Всё это «десятилетие молчания» она много и упорно работала: рецензентом в издательстве «Художественная литература», очеркистом в газете, переводила с подстрочников Рабиндраната Тагора, причём великолепно делала это, так как была «лириком» по самой своей строчечной сути, как она сама говорила.

Приведём несколько её переводов.

Из Габдуллы Тукая (с татарского):

НЕ ВСЁ ТО ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ

*В саду беспечный мотылёк резвился ночью мая,
Порхал, играл среди цветов, садясь и вновь взлетая.
Вдруг увидел он – далеко сверкает в поле что-то,
То разгорится, как звезда, то меркнет позолота.
Как все на свете мотыльки, пленившись красотой,
Он полетел туда и сел на что-то золотое.
И это был огонь костра, что путники забыли.
И мотылёк, сгорев дотла, стал кучкой серой пыли.*

А вот перевод с румынского из Вероники Порумбаку:

ТЫ ВЕЛИКАЯ, МОЯ ЛЮБОВЬ

*О ты, горчайший в скорлупе орех,
Находка редкая в морских просторах,
Ни для кого на свете и для всех
Ты существуешь, словно ветра шорох.
Люблю тебя, и ты всегда со мной,
Люблю, – единая и многоликая,
Ничья, всеобщая, мой мир земной –
Поэзия, любовь моя великая!*

Из Ашота Граши (перевод с армянского):

И ЭТО ПРОЙДЕТ...

*Мудрец говорил мне, свой перстень дая,
- Беда приключится, не мучайся зря.
Прочти эту надпись, она не длинна,
И горе исчезнет, как мглы пелена.
И правда, к старинному перстню с тех пор
В печали всегда обращался мой взор,
Кольцо повторяло мне в пору невзгод
Три краткие слова: «И это пройдёт».*

.....
*Когда ж оказалось, что смерть у дверей,
Кольцо подарил я любимой своей,
Просил, расставаясь, пусть слезы не льёт,
Шептал ей : «Родная, и это пройдёт».*

Из Десанки Максимович (перевод с сербохорватского):

*Я говорю с тобой стихами,
Остановиться не могу.
Они, как слезы, как дыханье,
И, значит, я ни в чём не лгу...
Всё, что стихами, только правда,
Стихи, как ветер, как прибой,
Стихи – высокая награда
За всё, что отнято тобой!*

Сотни страниц переводов заканчиваю переводом стихотворения Рабиндраната Тагора (с бенгали):

*Этот день моего рождения станет мне днём разлук,
Я хочу, чтобы каждый, кто настоящий друг,
Прикоснулся руками своими к рукам моим.
Дар прощальный брэнного мира, знак того, что любим,*

*Если сегодня в ответный дар
Мне достанется что-нибудь –
Немного прощенья, немного любви, –
Всё возьму, отправляясь в последний путь,
На последнее празднество, на последнем плоту,
Отплывая в беззвучную темноту.*

Эти 10 лет были очень трудными для неё. Она искала свой собственный путь в поэзии. Искала тяжело, мучительно, часто сбиваясь с такта и много теряя и для сердца, и для таланта.

В 1952 г. Тушнова пишет поэму «Дорога на Клухор», которая тоже вошла в книгу 1954 года. Поэма была очень хорошо встречена критикой и рецензентами. В этой поэме прозительными, горькими стихами поэт раскрывает трагедию детей из детского санатория на Кавказе, убитых, сброшенных в пропасти, уничтоженных только потому, что они были не боеспособны, беспомощны. Приведу несколько слов, завершающих эту поэму, читая которую нельзя остаться равнодушной. Последняя глава этой поэмы – поездка с дочерью туда, на Кавказ.

*Полёт орлов и рек рожденье
Там, наверху увидишь ты.
Прекрасно счастье восхоженья,
Преодоление высоты.
Но в утро счастья, в утро мира
Мне память затуманит взор:
Через ущелье Гоначхира
Лежит дорога на Клухор.
Я не хочу твоей печали,
Но что же делать? Я права.
Всё расскажу я, не смягчая
Рассказа трудные слова.
Блеснут ребяческие слезы
В глазах внимательных твоих...
Не плачь! Не надо! Плакать поздно.
Бороться надо за живых!*

Грустно говорить об этом. Только на последних двадцати страницах сборника в разделе «Стихи о счастье», поэтесса, словно сбросив тяжкую ношу, вдруг стала сама собой. Вдруг возникло истинное лицо ее, любящей, страдающей. Временами оно почти портретно:

ЗЕРКАЛО

*Всё приняло в оправе круглой
Нелицемерное стекло:
Ресницы, слепленные вьюгой,
Волос намокшее крыло,
Прозрачное свечение кожи,
Лица изменчивый овал ...
Глаза счастливые... всё то же,
Что только что ты целовал.
И с жадностью неуголимой,
Признательности не тая,
Любуюсь я твоей любимой...
И странно мне, что это...я.*

Но одновременно это живое лицо, подобное тысячам других женских лиц, это душа страдающая и любящая! Каждая женщина может почувствовать в строчках Вероники

Тушновой свою «вьюгу», свои счастливые и горькие минуты и только своё, но такое общее, понятное для всех тревожное ощущение неумолимого бега времени.

Выпущенная в 1958 году книга «Память сердца» была уже чисто лирической. Главная тема вышла на первый план. «Любовь на свете есть!»

Красивая черноволосая женщина с печальными глазами (её часто называли «восточной красавицей») с мягким характером, любившая дарить подарки не только близким, но и просто друзьям, мчавшаяся по первому зову на помощь в любое время дня и ночи, заражавшая всех смехом, весельем и подлинной любовью к жизни; – вот эта красавица, поэтесса, с чьими стихами под подушкой засыпало целое поколение девчонок, – сама переживала трагедию – счастье чувства, озарившего своим светом последние её годы на Земле и давшего мощный поток энергии её творчеству. «Любовь эта была разделенной, но тайной, потому что «стоит между нами не море большое – горькое горе, сердце чужое».

Человек, которого любила Вероника Михайловна, был поэт Александр Яшин. Он был женат, не мог оставить семью, в которой было 7 детей. И кто знает, смогла бы Тушнова, человек, всё понимающий и воспринимающий обостренно и тонко, – ведь у поэтов «от Бога» «нервы на кончиках пальцев» - решиться на столь резкий поворот судеб, больше трагической, чем счастливой? Наверное, нет. Она называла свое чувство «бурей, с которой никак не справлюсь». Это отражено в её стихах, в её дневниковых строчках. Возникало ощущение, что на ладони лежит «пульсирующее и окровавленное сердце, нежное в трепещущей руке и своим теплом пытается согреть ладони». Наверно, поэзия Вероники Тушновой до сих пор жива, книги её переиздаются, и строки её, созданные «в крайнем страдании и острейшем счастье» (по словам Ир. Снеговой) говорят больше, чем подробности её биографии. Впрочем, таковы судьбы практически всех поэтов.

Они встречались тайно, в других городах, в гостиницах...но больше всего любили ездить в лес, бродили целыми днями, ночевали в охотничьих домиках.

*Всё необычно этим летом странным:
И то, что эти ели так прямы,
И то, что лес мы ощущаем храмом,
И то, что боги в храме этом – мы!*

Но это ощущение чуда было недолговечным. Когда они возвращались на электричке в Москву, Яшин просил Веронику выходить за две-три остановки, чтобы их не видели вместе. Она не отказывала ему ни в чём, даже во лжи, хотя для неё, у которой «настежь душа», это было тяжело.

*Сутки с тобою, месяцы – врозь...
Спервоначалу так повелось.
Уходишь, приходишь,
И снова, и снова прощаешься,
То в слёзы, то в сны превращаешься.*

А ей так хотелось быть рядом, быть необходимой. «Сто грехов тебе простится, если скажешь: «Приходи!» И все-таки, ничего не требуя, прощая всё, понимая и принимая, она ждёт от него большего.

*Не нужны мне улыбки льстивые,
Не нужны мне слова красивые.
Из подарков хочу одно я –
Сердце твоё родное.*

А он всё понимает и молчит, потому что не может ей ничего обещать и лгать не хочет.

«Как тревожно, милый, как страшно, как боюсь я твоей немоты». Она чувствовала, что он будет с ней недолго.

Несмотря на все усилия Яшина сохранить их отношения в тайне, ему это не удается. Друзья осуждают его, в семье настоящая трагедия. Яшин прекращает свои встречи с Вероникой.

*Меня одну во всех грехах виня,
Всё обсудив и всё обдумав трезво,
Желаешь ты, чтоб не было меня..
Не беспокойся – я уже исчезла.*

И она одна переживала свое горе, которое «тугою петлею на горле...на сердце глыбою в тонну...» Не имея возможности видаться с ним, она находит другой способ общения.

*Я говорю с тобой стихами,
Остановиться не могу.
Они как слёзы, как дыханье,
И, значит, я ни в чём не лгу.*

Ей всё время слышится шепот за спиной: «А вы знаете, он её бросил?» Бросают то, чем не дорожат, что не ценят». И она пишет:

*Только жизнь у меня короткая,
Только твёрдо и горько верю:
Не любил ты свою находку –
Полюбишь потерю.*

Её строки звучат как ворожба, как заклинание, как пророчество:

*Рыжей глиной засыплешь,
За упокой выпьешь...
Домой воротись – пусто,
Из дому выйдешь – пусто,
В сердце заглянешь – пусто,
На веки веков – пусто!*

Это вовсе не обида покинутой женщины. Вероника знает, чувствует любящим сердцем, что, когда её не станет, никто не будет любить и понимать его, как она. Она жалеет его, потому что ему доживать с этим непоправимым горем.

И снова пишет о своей любви к нему, и снова благодарит его. «Ты мне такое счастье дал, его не вычтешь и не сложишь...»

«Сто часов счастья» - так назвала свою последнюю книгу Вероника Тушнова. Она писала ее, будучи смертельно больной.

*Сто часов счастья...
Разве этого мало?
Я его, как песок золотой,
Намывала,
Собирала любовно, неутомимо,
По крупнице, по капле,
По искре, по блестке,
Создавала его из тумана и дыма...*

Книга посвящена Александру Яшину. В ней она описала все радости и горести, которые принесла ей её последняя любовь и попыталась ответить на вопрос: «Почему без миллионов можно? Почему без одного нельзя?»

Когда Вероника лежала в больнице с диагнозом – рак, Яшин приходил к ней. Марк Соболев, долгие годы друживший с Вероникой, стал невольным свидетелем одного из таких посещений. «Я, придя к ней в палату, постарался её развеселить. Но ей давали злые антибиотики, стягивающие губы, ей было больно улыбаться. Выглядела она предельно худо. Неузнаваемо. А потом пришел – он! Вероника скомандовала нам отвернуться к стене, пока она оденется. Вскоре тихо окликнула: «Мальчики...» Я обернулся – и обомлел.

Перед нами стояла красавица! Улыбающаяся, с пылающими щеками, никаких хворей вовеки не знавшая молодая красавица. И тут я с особой силой ощутил, что всё, написанное ею, – правда. Абсолютная и неопровержимая правда. Наверно, именно это называется поэзией...» Из типографии привезли сигнальный экземпляр «Сто часов счастья» Работали, спешили, знали, что умирает. И успели. Она бережно держала в руках свою последнюю книгу.

*Сто часов счастья,
Чистейшего без обмана...
Сто часов счастья!
Разве этого мало?*

В последние дни перед смертью она запретила впускать его в палату. Она хотела, чтобы он запомнил её красивой, веселой, живой. И написала, прощаясь:

*Я стою у открытой двери,
И, прощаясь, я ухожу.
Ни во что уже не поверю, –
Всё равно напиши, прошу!
Чтоб не мучиться поздней жалостью,
От которой спасенья нет,
Напиши мне письмо, пожалуйста,
Вперёд на тысячу лет
Не на будущее, так за прошлое,
За упокой души.
Напиши обо мне хорошее.
Я уже умерла. Напиши.*

Ее не стало 7 июля 1965 года. Ей едва исполнилось 50 лет. Остались рукописи в столе: недописанные листки поэмы и нового цикла стихов.

Александр Яшин умер ровно через 3 года от такой же болезни – рак. До последних дней тосковал и мучился от разлуки с любимой.

Думалось, всё навечно,
Как воздух, вода, свет:
Веры её беспечной,
Силы её сердечной
Хватит на сотню лет.
Думалось да казалось...
Как ты меня подвела!
Вдруг навсегда ушла –
С властью не посчиталась,
Что мне сама дала.

С горем не в силах справиться,
В голос реву, зову.
Нет, ничего не поправится:
Разве что не наяву.
Так и живу./ Живу?

Источники

1. Вероника Тушнова. Стихи любимым. ООО Издательство «Эксмо» 2010г.
2. <http://wikipedia.org/wiki/> Тушнова Вероника Михайловна
3. <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=52127>
4. <http://er3ed.qrz.ru/yashin.htm>
5. ИнтерЛит. Международный литературный клуб <http://www.interlit2001.com>